

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

В.М. ПАШИНСКИЙ

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ О МЕХАНИЗМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

Процесс социализации предполагает взаимодействие двух поколений — доминирующего и формирующегося. В данной статье показано, что в межпоколенческих отношениях представители двух поколений демонстрируют два разных типа рационального поведения — преимущественно целерациональное и ценностнорациональное соответственно. Это различие является причиной непонимания между поколениями и имеет широчайший спектр следствий для развития человеческой культуры.

Ключевые слова: социология знания, социализация, конфликт поколений, целерациональное и ценностнорациональное действие.

Постановка проблемы

В рамках социологии знания проблема социального порядка предстает как проблема социализации индивидов в рамках особых социальных общностей — поколений [12]. Каждой такой общности «присуща тенденция, ориентирующая <людей> на определенные способы поведения, чувствования и мышления» [7, с. 25]; тем самым фактически каждое поколение стремится сформировать собственную «парадигму» (что не всегда удается [7, с. 44]), и в первую очередь установить свою систему ценностей, четко отличающую одно поколение от других.

Однако процесс социализации имеет своей целью, *прежде всего*, передачу огромных массивов уже накопленного человеческого знания.

Пашинский Владимир Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Федерального бюджетного учреждения «Научно-исследовательский центр по проблемам управления ресурсосбережением и отходами».

Адрес: 141006, Мытищи, Олимпийский проспект, д. 42, комн. 209.

Телефон: +7 (905) 552-88-72. **Факс:** (495) 583-68-52.

Электронная почта: v_m_p@bk.ru

Поэтому уже сам факт преемственности поколений предполагает воспроизводство человеческой культуры и, по крайней мере потенциально, может оказаться значительным препятствием для формирования разных групп людей.

Возникает вопрос: какие же факторы отвечают за формирование поколений?

Для ответа на него нужно обратиться к анализу тех процессов, которые превращают *непрерывный* поток новых индивидов в *дискретную* последовательность поколений. Говоря о непрерывном потоке, мы имеем в виду главным образом биологический процесс. Но возможны и социальные процессы появления индивидов, нуждающихся в социализации, — например иммиграция или экспансия на населенные территории; такие процессы могут происходить на протяжении жизни нескольких поколений.

Исследователи обычно рассматривают две стороны процесса формирования поколенческой динамики [14], однако при анализе ключевых вопросов проблемы социального порядка (прежде всего — вопрос об *основной движущей силе* социально-исторического процесса) они нередко акцентируют только какую-то одну из двух.

Первая сторона связывает различие поколений с различием условий их формирования. Поскольку внешний по отношению к индивидам мир меняется, постольку они социализируются в разных условиях; в результате появляются разные поколения; таков «экзогенный» механизм формирования поколений. К. Мангейм объяснял существование поколений в первую очередь необходимостью передачи малоизменчивого культурного наследия в сильно меняющихся условиях жизни; для него поколенческая динамика была всего лишь одной из внутренних компонент социально-исторического процесса [7, с. 24–36]. Он полагал, что именно «механизм социального и культурного процесса» «запускает» ритм чередования поколений. Даже отмечая факт наличия противоречий между поколениями [7, с. 25, 33], он не рассматривает собственно отношения между поколениями в качестве *основной движущей силы* социально-исторического процесса [7, с. 26–27, 33]¹.

¹ К. Мангейм отрицал наличие периодичности в динамике поколений, так как признавал их длительность зависимой от непредсказуемых внешних факторов [7, с. 31–36], что привело его к отказу от формального социологического анализа проблемы поколений; эту задачу он оставил на долю будущих исследователей [7, с. 55]. Фактически указанный анализ провел (хотя и не вполне корректно, см. ниже) уже Х. Ортега-и-Гассет, его современник.

Вторая сторона — собственно борьба двух групп индивидов, родившихся в разное время, за самоутверждение в обществе. В условиях доминирования старшей группы, контролирующей условия социализации, младшая вынуждена формировать и насаждать такую социальную реальность, в которой доминирующее положение будет принадлежать уже ей. В результате формируются две группы, по определению различающиеся по возрасту, то есть два поколения. Таков «эндогенный» механизм формирования поколений. Эта сторона процесса формирования поколенческой динамики привлекла внимание Х. Ортега-и-Гассета — для него именно борьба поколений за доминирование есть *основная движущая сила* социально-исторического процесса [8; 9, с. 262–294]. «Поколение <...> представляет собой самое важное историческое понятие и является, так сказать, той траекторией, по которой движется история», — подчеркивает он [8, с. 5]. Х. Ортега-и-Гассет признает также значение первой стороны [9, с. 258–260], но именно вторая имеет решающее значение для системы его взглядов на динамику поколений, прежде всего для представления об их регулярности (можно показать, что именно борьба поколений за доминирование приводит к рождению феномена *регулярных* поколений [11]).

Х. Ортега-и-Гассет полагал, что жизнь человека делится на пять периодов, которые образуют пять примерно 15-летних поколений, из которых для социально-исторического процесса основное значение имеют поколения 30–45-летних и 45–60-летних. По его мнению, именно 30–60-летние «делают историю», при этом 45–60-летние доминируют в обществе, а 30–45-летние борются с ними за власть и в свое время сменяют их [9, с. 272–276]. Ученый выделял два типа 15-летних поколений — поколения перемен и поколения стабилизации, которые сменяют друг друга и попарно образуют 30-летние поколения социально-исторического развития [9, с. 95–96; 14]. Он называл такие 15-летние поколения соответственно «эпохи отрицания и полемики», «времена юных» и «кумулятивные эпохи», «времена стариков» [8, с. 6]².

Для анализа, представленного в настоящей статье, феномен *регулярности* поколений не имеет значения, так как борющиеся за доминирование поколения, вообще говоря, могут быть какой угодно «длительности», — однако при описании и сопоставлении концепций

² Отметим, что Х. Ортега-и-Гассет не настаивал на жестких возрастных рамках поколений и, определяя возраст их «начала», допускал разброс датировок: 25–30 лет [9, с. 258–259, с. 271–272], 45–50 лет [9, с. 271, 273–275] и т. д. Автор данной статьи следует тому же принципу.

Х. Ортеги-и-Гассета и К. Мангейма невозможно обойтись без упоминания этого феномена³.

Для нас представляет интерес следующее: по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, поколение формируется так называемым «избранным меньшинством», которое, в силу своего творческого потенциала, оторвалось от основной пассивной массы населения и обеспечивает обществу достижение новой «жизненной высоты». Эта «высота» с ее новыми представлениями о характере человеческого существования и есть воплощение данного поколения [8, с. 4–6]. Поэтому правильнее говорить не о борьбе двух поколений, а о борьбе «избранного меньшинства» одного поколения с «избранным меньшинством» другого, и о том, что подавляющая масса населения лишь подстраивается под ее результаты, вслед за активной частью общества разделяясь на два поколения.

Таким образом, в статье рассматривается проблема «эндогенного» механизма формирования поколений. Для этого необходимо показать, что (1) членами каждого из соседних могут быть, вообще говоря, индивиды любого возраста; (2) при взаимодействии членов доминирующей группы с членами зависимой имеет место принципиально различная ориентация поведения (первые тяготеют к целерациональной ориентации поведения, вторые — к ценностнорациональной); (3) принципиальное различие двух рациональных ориентаций поведения вызывает взаимное непонимание и порождает «конфликт», основными участниками которого является «избранное меньшинство» каждой из двух групп; (4) «конфликт» способствует

³ К. Мангейм следующим образом высказался в отношении взглядов, близких позиции Х. Ортеги-и-Гассета: «Большинство исследователей, те, кто полагает, будто проблема поколений в действительности существует только лишь постольку, поскольку можно установить периодический, с неизменными интервалами, ритм поколений, стали жертвами недоразумения. <...> Тридцатилетнему интервалу, к счастью, не принадлежит, как то полагает большинство исследователей проблемы поколений, безраздельное значение. Фактически свою роль играют все опосредующие группы; не стирая биологического несходства поколений, они, по крайней мере, смягчают последствия различий. <...> Возникает ли новый стиль поколения каждый год, каждые 30 лет, каждые 100, и, вообще, происходит ли это ритмически, всецело зависит от того, запущен ли он механизмом социального и культурного процесса. <...> Вопрос <...> решается на уровне социальной и культурной структур — уровне, который регулярно ускользает от <данной> рутинной теории» [7, с. 19, 35, 44–45]. Думается, этих слов достаточно для того, чтобы рассматривать позиции двух исследователей в части, касающейся предмета данной статьи, в качестве противоположных.

взаимной сегрегации (взаимо- и самоопределению) двух групп и тем самым трансформируется в «конфликт поколений».

Исходной точкой последующего изложения послужат концептуальные построения Х. Ортеги-и-Гассета.

Слабые места концептуальных построений

Х. Ортеги-и-Гассета

Итак, Х. Ортега-и-Гассет сформулировал следующие особенности поколенческой динамики:

1) динамику поколений задает «избранное меньшинство» (условно говоря, элиты), то есть относительно немногочисленная, но наиболее активная часть социума, на которую тем или иным образом ориентируются его остальные члены;

2) в составе «избранного меньшинства» всегда сосуществуют и систематически чередуются на доминирующих позициях два типа поколений — «поколения юных» и «поколения стариков», — определяющие соответственно периоды перемен и периоды стабильности;

3) длительность этих периодов не является жестко определенной и допускает известные колебания относительно некоторого среднего значения в соответствии с некоторой пока еще неясной закономерностью.

Однако ученому не удалось осуществить такое сочетание теоретических и эмпирических построений, которое позволило бы идентифицировать «избранное меньшинство» и на конкретном историческом материале достоверно выявить 15-летний ритм смены поколений. Здесь достаточно указать на две проблемы.

Во-первых, в противоречие со своими собственными представлениями, что «поколение — это не горсть одиночек и не просто масса; это как бы новое социальное тело, обладающее и своим избранным меньшинством и своей толпой, заброшенное на орбиту существования с определенной жизненной траекторией», что это «динамический компромисс между массой и индивидом» [8, с. 5], Х. Ортега-и-Гассет пытался выявить 15-летние ритмы на основе изучения деятельности именно «горсти одиночек» — *отдельных* представителей европейской науки в период научной революции XVI–XVII вв. [9, с. 276–280]. При этом он не учитывал, что у науки своя внутренняя логика развития, на которую социальные, политические и экономические условия жизни ученых могут не влиять, и что в рамках одной и той же научной парадигмы могут объединяться несколько поколений⁴. Поэтому нелогичным выглядит обращение Ортеги к такому «индикатору» поколенческих ритмов, как творцы научной революции, хронология

⁴ Последнее прекрасно понимал и сам Х. Ортега-и-Гассет, противопоставлявший динамику поколений и развитие общества в терминах перемен «в мире» и изменений «самого мира» [9, с. 290–294].

жизни и деятельности которых стала для него базовой [9, с. 276–280, 290–294]. Ученый не учитывал, что при определении таких ритмов поведение *отдельных* исторических лиц информативно ровно в той мере, в какой оно подчинено *общей* логике поведения «избранного меньшинства»; что только лица, *однозначно* зависимые от этого поведения, годятся на роль индикатора. Между тем деятельность любого выдающегося представителя науки обязательно обладает *объективным* и в этом смысле надвременным характером, а потому динамика научной деятельности таких ученых не годится для отражения *текущих ритмов* поколенческих процессов. Вероятно, в какой-то мере это осознавал и сам Х. Ортега-и-Гассет, потому что он даже не пытался разделить «найденные» им 15-летние «поколения» на «эпохи юных» и «эпохи стариков» — последнее совершенно немислимо в отношении деятельности величайших ученых.

Во-вторых, ортеговская модель поколенческой динамики предполагает однозначное доминирование старшего поколения (до момента ухода с исторической сцены). В реальности это далеко не так; к примеру, как подчеркивал К. Мангейм, в условиях усиленной социальной динамики — например в современных обществах — доминирование старшего поколения не является безусловным [7, с. 35 и сл.].

Таким образом, представление о роли «избранного меньшинства» не разработано Х. Ортегой-и-Гассетом с необходимой полнотой и не позволяет адекватно связать идею о двух типах поколений с логикой чередования 15-летних поколений (как и с процессами формирования 30-летних циклов поколений). Однако полученные им результаты позволяют преодолеть эти трудности, если в рамках представления о социетальном сообществе [10] рассмотреть процессы социализации и уточнить свойства ортеговской модели формирования поколений. Поэтому далее проблема поколений рассматривается как проблема избранного меньшинства социетального сообщества, контролирующего условия социализации других его членов в условиях структурированного нормативного порядка. В частности, далее показано, что в таких условиях универсальная форма контроля над процессами социализации — властная иерархия — складывается независимо от возраста управляющих и управляемых, а потому для противостояния поколений не требуется сколько-нибудь существенного возрастного различия их членов.

Властная иерархия как универсальное средство контроля над процессами социализации

Для реального механизма формирования поколений важен, прежде всего, сам факт доминирования одного «избранного меньшинства» над другим и вытекающее из этого нежелание первых изменить формы и нормы своего поведения. Именно стремление сохранить свой

статус будет препятствовать восприятию новых форм и норм поведения, потому что перемены не гарантируют сохранения этого статуса. В результате стремление к сохранению сложившихся форм и норм будет обеспечивать постоянство особенностей именно данного поколения.

Тем самым стремление социализирующихся членов общества к самоутверждению *в условиях существования властных отношений* будет способствовать формированию группы индивидов с потенциально другими формами и нормами поведения. А изменения, происходящие в окружающем мире, определяют направление, в котором должна развиваться группа, чтобы создаваемые ею новые формы и нормы были адекватны меняющейся реальности и чтобы старые нормы, все далее от нее отходящие, перестали способствовать доминирующему положению старшего поколения. При этом достаточно самого факта существования властных отношений; конкретные формы властной иерархии — демократия, тоталитаризм или промежуточные формы — уже не имеют значения.

Сразу отметим, что *в описанных условиях* возраст членов конкретного поколения — это внешний параметр, вообще говоря, никак не связанный с процессами формирования поколений. В состав каждого поколения и каждого «избранного меньшинства» могут входить представители любых возрастных когорт — вплоть до того, что при некотором стечении обстоятельств средний возраст членов «старшего» поколения может быть тем же, что и в «младшем» поколении, или даже меньше. Это происходит потому, что средний возраст поколения определяется *основной массой* его членов, тогда как само поколение формируется «избранным меньшинством», которое, конечно, обычно младше меньшинства «старшего» поколения, однако при определенных условиях на эту верхушку могут ориентироваться члены *основной массы* данного социума, по возрасту не отличающиеся от членов *основной массы* «старшего» поколения.

Что касается конкретных характеристик «избранного меньшинства», определяющих «лицо» нового поколения, то в любой властной иерархии есть свое избранное меньшинство, так или иначе определяющее *основные* формы функционирования властной системы и тем самым — *основные* формы социализации. Поэтому при формировании нового поколения (и соответственно, новой иерархии отношений социализации как отношений власти) формируется новое «избранное меньшинство» — те, кто вырабатывают его «парадигму»⁵. Такая модель поколенческого процесса амбивалентна к любым основаниям

⁵ Здесь мы выходим на интересную проблему элит и контрэлит, но эта тема в данной статье не рассматривается.

властной иерархической организации общества и позволяет использовать для анализа любые пригодные для целей того или иного исследования данные об иерархической организации сообществ, в том числе сопоставлять данные о величине властных групп, формируемых по соответствующим основаниям доминирования. Иными словами, для целей данной статьи термин «избранное меньшинство» не требует каких-либо уточнений: достаточно того, что он указывает на сам факт существования относительно немногочисленного доминирующего меньшинства внутри поколения (или, следовательно, относительно немногочисленного доминирующего меньшинства внутри общества, — при условии, если данное поколение преобладает в рамках общества в целом)⁶.

Теоретически очевидно, что новое избранное меньшинство по мере формирования нового поколения проходит определенный путь развития: от выработки новых элементов жизнедеятельности, первичных и преимущественно маргинальных по отношению к господствующей «парадигме», до складывания новых элементов в целостную систему. Одновременно она растет «вширь» и «вглубь» человеческой среды, пока ход времени и влияние возмущающих факторов не сформируют потребность новых членов социума в новейшей системе форм и норм поведения и не инициирует начало процессов легализации очередной целостности форм и норм в виде еще одного поколения. Эта целостность будет доопределяться и конкретизироваться в процессах легализации, пока в свою очередь не законснееет в инерции. И тогда начнет легализовываться следующее поколение и т. д.

Мы оставляем в стороне анализ «тонкой структуры» процессов легализации нового поколения и новой «парадигмы» жизнедеятельности. Достаточно того, что имеет место постепенный количественный рост элементов системы новых форм поведения. Он продолжается до тех пор, пока возмущающие факторы не инициируют складывание следующей по счету целостности форм и т. д. и т. п.

⁶ С точки зрения политической социологии (см. например: [13]) используемые нами понятия и оценки носят слишком приблизительный характер и, казалось бы, нуждаются в уточнении. Однако мы уточняем содержание не политических («правлящие слои», «правлящий класс», «элиты», «верхушка», см. далее), а *других* понятий (таких, как «поколенческая динамика», «избранное меньшинство»), то есть анализируем не модели властного правления, а модель формирования поколений в условиях структурированного нормативного порядка. Поэтому для *настоящего исследования* достаточно самого общего соответствия между моделью и реальными характеристиками рассматриваемых властных групп людей без уточнения содержания используемых при этом соответствующих понятий.

Численность «избранного меньшинства» по определению невелика и никогда не превышает нескольких процентов населения (см. например: [2, т. 2, с. 468–480; 6]). С течением времени система новых форм поведения будет набирать силу и охватывать все большее количество людей, однако то избранное меньшинство, которое в условиях господства предыдущей системы стало явно и неявно противостоять традиции, будет все меньше меняться по своему составу. По мере приходящего признания у входящих в эту группу индивидов слабеет стимул для выработки новых форм деятельности; отбирая из ранее наработанного только то, что совместимо со все более растущей массой приверженцев, они тем самым корректируют и стабилизируют новую систему норм; поэтому численность собственно *творцов* данного поведения и данного поколения уже не будет увеличиваться. Более того, в силу естественных причин она рано или поздно начнет уменьшаться. Тем самым будет происходить уменьшение вклада творцов в формирование поколения и соответственно рост инертности всего поколения. Если потенциал развития *всего* общества считать воплощенным в примерно постоянной численности творцов во *всех* существующих поколениях, а потенциал развития, присущий новой системе, — в численности творцов *данного* поколения, то постепенное «окостенение» одного поколения можно рассматривать как вхождение *новых* творцов в состав избранного меньшинства *следующего* поколения. (Добавим, что в период перемен потенциал творцов актуализируется преимущественно в новых формах, а в период стабилизации — в приспособлении к старым.)

Тем самым «естественным контролером» постоянства «парадигмы» старого поколения служит уже не меньшинство, а сама по себе масса форм и норм жизнедеятельности, контролируемая иерархией власти, с которой связано доминирующее поколение. Собственно творцы (как члены избранного меньшинства) могут вообще исчезнуть еще до того, как завершится формирование *очередного* поколения с очередным меньшинством, но на идентичности доминирующего поколения это уже никак не скажется. Постепенное распространение форм поведения молодого поколения может вызвать переориентацию пассивных членов доминирующего поколения и даже сокращение его абсолютной численности, но как социально-исторический феномен оно уже состоялось, и *очередное* новое поколение, отталкиваясь от чуждых ему форм и норм, будет лишь *способствовать* сохранению «парадигмы» жизнедеятельности старого поколения и соответственно — самого феномена поколения. В конечном счете, достаточно лишь некоторого количества людей, входящих в состав властной верхушки и контролирующих процессы социализации, чтобы обеспечить стабилизацию нового преобладающего поколения с формами поведения,

отличными от форм поколения, сформированного ранее доминировавшей частью общества. Так что если решающий раздел между поколениями проходит, как полагает Х. Ортега-и-Гассет, между третьим и четвертым 15-летними поколениями, то при достижении людьми возраста конца четвертого поколения (то есть 60 лет) состоявшийся феномен поколения будет существовать вне зависимости от того, переживет ли кто-то из его представителей этот возраст. То есть для функционирования ортеговской модели достаточно четырех поколений, а пятого (60–75-летние) просто не требуется. Это избыточный элемент конструкции, от наличия или отсутствия которого ничего не зависит.

Для исследования «эндогенного» механизма формирования поколений особенно важно, что Х. Ортега-и-Гассет напрямую соединяет проблему формирования поколений и проблему относительной противоположности соседних поколений: «революция длится не больше пятнадцати лет, активной жизни одного поколения». И поясняет: «срок деятельности одного поколения — около тридцати лет. Но срок этот делится на два разных и приблизительно равных периода: в течение первого новое поколение распространяет свои идеи, склонности и вкусы, которые в конце концов утверждаются прочно и в течение всего второго периода господствуют. Тем временем поколение, выросшее под их господством, уже несет свои идеи, склонности и вкусы, постепенно пропитывая ими общественную атмосферу. И если господствуют крайние взгляды и предыдущее поколение по своему складу революционно, то новое будет тяготеть к обратному, то есть к реставрации. Разумеется, реставрация не означает простого “возврата к старому” и никогда не бывает полной» [9, с. 95–96].

Конфликт поколений как движущая сила социального развития вообще и формирования поколений в частности

Известно, что процессы социализации связаны с процессами функционирования знания в самом широком смысле этого слова, то есть воплощают в себе все самое основное в *рациональной* деятельности человека. (С точки зрения потомков *рациональное* знание предков может оказаться *иррациональным*, однако это не отменяет рациональности знания для самих предков.) Поэтому ориентацию на знание как основной ресурс существования человека логично анализировать в терминах основных типов рационального поведения и основных уровней социальной реальности, которые в совокупности образуют «базовую систему координат» процесса социализации. Существует два основных типа рационального поведения — целерациональный и ценностнорациональный [3, с. 628–630], а основных «уровней» («сфер») социальной реальности три — это биологическая сфера,

ментальная сфера и промежуточный уровень; именно на промежуточном уровне рождается феномен поколений [7, с. 21–24]. Ниже рассматривается динамика процессов интернализации и экстернализации как двух сторон процесса социализации [1] с точки зрения влияния возраста индивида на его поведение в рамках «базовой системы координат».

Формы социальной реальности носят надындивидуальный характер и обладают той же самодостаточностью, что и формы природной реальности, изучаемые естественными науками [1; 5]. Они выступают в качестве внешней реальности, которую каждый индивид осваивает посредством интернализации — как все, что является внешним по отношению к родившемуся и постепенно социализирующемуся человеку.

В соответствии с логикой социального конструирования реальности, описанной П. Бергером и Т. Лукманом [1], процесс интернализации «начинается» в сфере надындивидуальных форм и «заканчивается» в области непосредственной (субъектной) деятельности индивидов, тогда как экстернализация, напротив, «начинается» на уровне индивида и «заканчивается» в сфере опосредованных, надындивидуальных отношений (подробнее см.: [12]). Поколение как некоторое целостное единство, порожаемое взаимодействием двух названных уровней социальной реальности по ходу процессов интернализации и экстернализации, оказывается принадлежностью промежуточного уровня.

Разумеется, это элементы *идеализированной* модели взаимоотношений двух уровней социальной реальности, но они ясно и однозначно отражают логику социализации в рамках используемой нами модели процесса социализации как поколенческого процесса.

Целерациональный и ценностнорациональный типы поведения индивидов связаны с разными сторонами социализации и с разными уровнями социальной реальности и формируются в силу противоположности интересов членов двух поколений — доминирующего и формирующегося.

Формы надындивидуального уровня обладают *собственной* логикой взаимосвязей и в этом смысле не зависят от непосредственно-субъектной природы человека. Поэтому этот уровень определяет целерациональное поведение, предполагающее рациональный анализ отношений средств и целей и побочных результатов таким образом, словно индивиду известны все обстоятельства его деятельности [3, с. 605, 629]. Что касается уровня индивида (уровня субъектной деятельности), то он определяет ценностнорациональное поведение как следование «своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода» «невзирая на возможные последствия» [3, с. 629], то есть

как самоактуализацию человека в прямом смысле этого слова. Для исследования «эндогенного» механизма формирования поколений особенно важно, что «[с] целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда иррациональна» [3, с. 630].

Обратимся теперь к иерархии доминирования, отражающей контроль со стороны членов общества с более высоким статусом над условиями социализации членов общества с меньшим статусом (в частном случае — более старших и более младших). Потребность в самоутверждении и самореализации требует от индивидов либо приспособления к имеющимся формам жизнедеятельности, либо противостояния им и изобретения других форм. Чем легче человек встраивается в существующие механизмы доминирования, чем больше вероятность того, что он выберет путь приспособления к наличным порядкам, тогда как в противоположном случае возрастает вероятность выбора пути противостояния и создания новых форм жизнедеятельности в качестве средства самоутверждения и самореализации.

Положение членов сообщества с наивысшим статусом, как уже отмечалось ранее, таково, что никакие перемены не дадут им большего, чем они уже имеют. Поэтому они меньше остальных заинтересованы в изменении своего положения и будут сильнее других бороться за сохранение существующего порядка вещей.

В отличие от них, члены общества с низшим статусом в попытках улучшить свое положение сталкиваются с самыми разными ограничениями, и потому надеются, что перемены его по крайней мере не ухудшат, поэтому будут бороться за изменение действующего порядка вещей и, в частности, охотнее других станут изобретать новые формы и нормы жизнедеятельности, отражающие их представления о более справедливом устройстве социальных отношений.

Предположим, что имеет место предельно жесткая структура общества, не допускающая никаких полутонов, так что каждый индивид должен выбрать какой-то один тип поведения: либо лояльность существующим порядкам, либо оппозиционность им. В таком случае все люди разделятся на две группы: группа высокостатусных индивидов будет отстаивать имеющийся порядок вещей, а группа низкостатусных — требовать перемен.

Поскольку рассматриваемое нами общество обладает внутренней целостностью, выраженной и закрепленной в общей иерархической структуре власти, и поскольку оно вынуждает своих членов выбрать лишь один тип поведения, постольку граница между двумя группами пройдет по *возрастной «сердине»* властной иерархии. Хотя мы говорим о метафорической «сердине», будет считать, что она соответствует формальной середине возраста членов властной иерархии (здесь мы следуем достаточно распространенному представлению,

что первую половину жизни человек учится, а вторую действует в качестве самостоятельного индивида)⁷. Если, скажем, в отношениях социализации участвуют индивиды в возрасте от L до M (лет), то воображаемая «середина» будет соответствовать возрасту $(L+M)/2$ (лет). При этом, например, 45% индивидов *до* возраста $(L+M)/2$ и 55% *после* возраста $(L+M)/2$ принадлежат доминирующей группе, а 55% индивидов *до* возраста $(L+M)/2$ и 45% *после* возраста $(L+M)/2$ принадлежат социализирующейся группе. Однако в условиях мощной социальной динамики и сохраняющейся целостности общества может быть и наоборот (по крайней мере теоретически): доминирующая группа будет включать не 45%, а 55% молодых, тогда как социализирующаяся — не 55%, а 45% молодых, и 55% старших.

Итак, пусть рубеж между поколениями соответствует середине *всего* периода активной жизни людей. Исследователи-позитивисты давно определили его примерно в 30 лет [7, с. 11]. Это параметр, который не вытекает из самой модели, но вносится в нее «извне», как еще один дополнительный элемент ее конструирования. Тем самым появляется возможность говорить о том, что младшее поколение — это люди примерно от 0 до 30 лет, а старшее — примерно от 30 до 60. Если бы активная жизнь индивида длилась 40, 50, 70, 80 и т. д. лет, а середина этого периода приходилась на 20, 25, 35, 40 и т. д. лет, то соответственно изменилась бы и длительность поколений. Для исследования «эндогенного» механизма формирования поколений это несущественно, а важно лишь то, что эти периоды (20- или 25- или 30- или 35- или 40-летние и т. д.) являются потенциальной основой для формирования поколений (точнее, периодов социализации) меньшей длительности.

В самом деле: если иерархическая структура общества менее жесткая, чем та, которая рассмотрена выше, то есть не требует однозначного выбора между двумя наборами форм и норм поведения (между оппозиционным и лояльным) и допускает «полутона» социализации, то этот процесс приобретает многоуровневый характер. Внутри каждой из двух только что рассмотренных крупнейших, скажем, 30-летних групп появится дополнительное возрастное разделение на более и менее лояльную группы у старших и более и менее оппозиционную группы у младших соответственно. Это будет означать появление примерно 15-летнего возрастного рубежа внутри младшей группы (от 0 до 15 и от 15 до 30 лет) и примерно 45-летнего рубежа

⁷ Разумеется, в зависимости от темпов изменения окружающего мира эта граница может проходить то «выше» (в более старших возрастах), то «ниже» (в более младших возрастах), но для целей данной статьи это несущественно.

внутри старшей (от 30 до 45 и от 45 до 60 лет). Так появляются примерно 15-летние поколения, то есть мы получаем основные элементы модели Х. Ортеги-и-Гассета. Если бы середина *всего* периода активной жизни людей приходилась на любое другое количество лет, то мы получили бы другую среднюю длительность поколений, *однако на сам характер отношений между поколениями это никак не повлияло бы*. Только последнее и нужно для целей нашего анализа.

В том случае, если деление на четыре поколения не исчерпывает потенциала гибкости властной иерархии данного общества и задаваемых ею форм и норм социализации, то каждое 15-летнее поколение может разделиться еще на две когорты длительностью примерно по 7.5 лет, а каждое 7.5-летнее — еще на две и т. д. и т. п., до исчерпания потенциала гибкости. Циклы социализации (и соответственно формируемые при этом «поколения») длительностью около 7.5, 3.75, 1.875 и т. д. лет станут своего рода фазами более длительных — 30- и 15-летних — циклов социализации⁸. Стоит еще раз подчеркнуть, что, хотя выше при анализе поколенческой динамики использовались «постоянные» длительности поколений и производные от них еще более короткие циклы социализации, это были модельные данные, достаточные для исследования «эндогенного» механизма формирования поколений; как уже отмечалось, собственно *регулярности* чередования циклов здесь не требуется.

Вернемся к разделению общества на две крупнейшие группы.

Члены *высокостатусной* группы разделяют одни и те же доминирующие на данное время ценности. Эти общие ценности отделяют их от членов другой группы и потому не являются полем их внутригрупповой конкуренции. Все вместе они стремятся к тому, чтобы члены *низкостатусной* группы тоже разделяли их ценности и не стремились к другим формам и нормам самоутверждения и самореализации. Другими словами, они навязывают младшему поколению *ценностнорациональное* поведение такого рода, которое будет способствовать сохранению статус-кво вообще и доминирующего положения старших в частности.

Но с членами низкостатусной группы происходит нечто обратное. Как молодая часть общества, для которой доминирующие ценности носят «внешний» характер и потому нуждаются в освоении, они сталкиваются с рационально построенными «объяснениями» старших о «преимуществах» главенствующей системы ценностей и вынуждены ориентироваться на нее не *ценностнорационально*, а *целерационально*.

⁸ Здесь анализ выходит на интересную проблему «многоуровневой» цикличности развития человеческих сообществ, однако эта тема находится за рамками данной статьи.

Каждый из них должен сознательно выстраивать свое поведение на основании внешне заданных правил и знания, которое выдается за вполне исчерпывающее (признак целерациональности поведения [3, с. 605]). Именно это совпадает с ожиданиями доминирующей группы. Постепенно освоив эту систему форм и норм поведения, зависимая группа должна (в соответствии с этими ожиданиями) перейти к ценностнорациональному следованию тому поведению, которое установлено доминирующей группой.

Однако *внутренние* отношения членов двух названных групп носят совершенно другой характер. Члены высокостатусной, в силу своего согласия относительно ценностей, *не конкурируют* между собой в сфере ценностнорационального поведения; поэтому все *рациональное* соперничество друг с другом (и с прочими индивидами) они реализуют в формах целерационального поведения, не затрагивающего системы ценностей. В низкостатусной группе имеет место обратная зависимость между внешним и внутренним поведением. Молодые члены социума находятся в общем для них поле целерационального поведения, контролируемом старшей группой, и потому могут *конкурировать* между собой *только* в сфере ценностнорационального поведения. Именно оно обеспечивает им личное, индивидуальное самоутверждение и самореализацию внутри собственной группы.

Такова система отношений внутри двух групп и между двумя группами, которая отражает логику процессов социализации в рамках рассматриваемой модели.

Раз *внутри* среды старших преобладает целерациональное поведение, а *внутри* молодежной среды — ценностнорациональное, то в своих прямых личных отношениях друг с другом (когда члены разных групп *выступают* в качестве самостоятельных индивидов) они будут придерживаться двух принципиально разных рациональных ориентаций поведения, и тем самым будут создавать условия для конфликта поколений. Каждый член одной из групп в рамках отношений *прямой личной* коммуникации будет рассматривать представителя другой группы в соответствии с *собственными* стереотипами, то есть будет ожидать от него *тех же самых* стереотипов типизации действительности [1, с. 52–60]. И потому при прямых непосредственных контактах старший продолжит следование целерациональному поведению, тогда как младший — ценностнорациональному. Разговаривая таким образом «на разных языках» и подходя друг к другу со своими мерками, они едва ли смогут понять противоположную сторону, в результате чего родится конфликт между разными *рациональными* ориентациями поведения, который обычно известен под названием «конфликта поколений».

Данный конфликт является одним из важнейших «компонентов» механизма формирования поколенческой динамики как движущей силы социально-исторического процесса. В случае деления общества не на два, а на четыре, восемь и т. д. поколений, этот конфликт сохранит свою сущность, но за счет дробления групп и ослабления грядуса противопоставления двух типов рационального поведения проявит себя в более мягкой форме и соответственно создаст меньше препятствий для трансляции общечеловеческого опыта от поколения к поколению. Другими словами, если противостоят всего два «долгих» поколения, доминирующее (в лице его избранного меньшинства) для защиты своего статуса потенциально готово уничтожить завоевания человеческой культуры, чтобы последние не стали ресурсом развития (и усиления) нового поколения, тогда как последнее готово «сбросить с корабля современности» ту культуру, которая используется старшими для удержания господствующего положения. Но чем слабее конфликт поколений, тем меньше будет конечный ущерб, нанесенный культуре обеими сторонами; это особенно важно для сложных, рафинированных форм культуры (сформировавшихся на протяжении нескольких поколений), в отношении которых всегда труднее найти согласие и которые первыми уничтожаются в случае наибольшего ожесточения отношений.

Таким образом, в статье рассмотрена проблема «эндогенного» механизма формирования поколений и показано, что (1) членами каждого из соседних могут быть, вообще говоря, индивиды любого возраста; что (2) при взаимодействии членов доминирующей группы с членами зависимой имеет место принципиально различная ориентация рационального поведения; (3) что принципиальное различие цели и ценностнорациональных ориентаций поведения вызывает взаимное непонимание между членами двух групп, выразителями которого является «избранное меньшинство» каждой из них; и что, наконец, (4) «конфликт» способствует взаимоотталкиванию и тем самым самоопределению двух групп, то есть превращается в «конфликт поколений».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Е. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. В 3-х т. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем.; Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Пер. с нем. В 3-х т. М.: Мысль, 1970–1971.
5. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1990. С. 393–570.

6. *Ледонн Дж. П.* Правящий класс России: характерная модель / Пер. с англ. // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 175–194.
7. *Мангейм К.* Проблема поколений // Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции / Пер. с нем. Е.Я. Додина; Отв. ред. Л.В. Скворцов. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Пер. с исп. М.: Наука, 1991. С. 3–50.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды / Пер. с исп.; Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. 2-е изд. М.: Изд-во «Весь Мир», 2000.
10. *Парсонс Т.* Понятие общества / Пер. с англ. // THESIS. 1993. Т. I. Вып. 2. С. 94–121.
11. *Пашинский В.М.* Модель регулярной поколенческой динамики // Ученые записки Российского государственного социального университета. М.: МГСУ, 2009. № 2. С. 41–47.
12. *Пашинский В.М.* Социология знания как методология исследования социально-исторического развития (на примере поколенческой динамики) // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 144–155.
13. *Политическая социология* / Отв. ред. В.Н. Иванов, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2000.
14. *Marias J., Rintala M.* Generations // International encyclopedia of the social sciences. Vol. 6 / Ed. by D.L. Sills. New York: Macmillan; Free press, 1968. P. 88–96.